

Героями не рождаются

Имя писателя Николая Федоровича Иванова должно быть известно русскому читателю, интересующемуся современной литературой. Им написано достаточно большое количество книг, которые издаются и переиздаются. О чем он пишет?

Иванов зарекомендовал себя как мастер прозы злободневной, остросюжетной (на грани с приключенческой) и одновременно едва ли не нравоучительной: его герои никогда не поступают принципами, они отчетливо и недвусмысленно занимают позицию Добра (абсолютной приверженности чести, порядочности, преданности дружбе и всему тому, что делает служивого человека героем) в сражении со Злом (скопищем пороков, дегуманизирующих и деморализующих человека), и главная интрига его произведений заключается в том, насколько жизнеспособно Добро в извечном противостоянии Злу. «Не в силе Бог — а в правде»: таково кредо его несомненно положительных героев, которые, избегая пафоса, никогда так пышно не выражаются в свой адрес. Ровно наоборот: «Без права на славу — во славу Отечества». И тем не менее правда — их путеводная звезда. Они сражаются за Правду (Родину, честь и право называться сыном своей страны). Это именно герои — в точном и первородном значении этого понятия: персонажи, чьи души согревают идеалы, за которые они готовы пожертвовать жизнью. Отсюда и подвиги как повседневная реальность, как способ жизнедеятельности. Именно так живет главный герой романа «Реки помнят свои берега» Егор Буерашин — ключевой персонаж книги, которая привлекла наше внимание. *(Роман цитируется по изданию: Иванов, Н.Ф. Реки помнят свои берега: роман / Николай Иванов. — М.: Вече, 2023. — 448 с.)*

Строго говоря, героический архетип, убедительно прописанный еще в «Илиаде», всегда был и по сей день остается актуальным. Героика как точка отсчета — это классика культуры, и проза Николая Иванова превращается в своего рода служение вечному — героическому началу в человеке. Писатель честно отражает реальные потребности реального человека, для которого долг, честь и совесть — не пустой звук (вот, если угодно, еще одно определение реализма).

Николай Иванов поведал нам непростую историю хороших людей на фоне трагического отрезка истории России, а именно: первой половины 1990-х годов. Если время идет, а актуальность рассказанной нам «истории» не утрачивается, следовательно, дело уже не в злобе дня, не в конъюнктуре, а в вещах более фундаментальных. Мне кажется, они стоят того, чтобы о них задуматься.

Реки и берега

«Берег» не просто слово мужского рода; это понятие, олицетворяющее мужское начало в культуре: дисциплину мысли, концепцию, ценности, идеалы, законы Бога.

«Река» — это очевидный женский род, это неукротимая стихия, сама жизнь, — начало женское, которое тоскует по берегу, тянется к мужскому как к гаранту своего выживания. Выйдешь ведь из берегов — пропадешь, занесет «не в ту степь».

Формулу «Реки помнят свои берега» можно воспринять как императив нашей цивилизации. Если помнят, значит, все в порядке, значит, мы живы и «течем» (все течет, все меняется,

как известно) в правильном направлении. Если не помнят, то формула превращается в диагноз. Время от времени крайне необходимо задаваться фундаментальным и сакральным вопросом: помнят ли реки свои берега?

Генеральная, универсальная формула структурирует весь роман — на уровне идей, сюжета, судеб героев, образов, отдельных ситуаций. Божьи заповеди — берега; Россия — река. Отсюда образ непокорной реки Неруссы, вспомнившей свои берега после неудачных мелиоративных экспериментов. Стоило лишь пройти мощному ливню, стоило лишь природе показать, кто хозяин на Земле, как речка вырвалась из оков «благих намерений» покорителей природы.

Отсюда образ замурованного бетоном целебного источника, которому Федор Максимович Буерашин, отец Егора, пытался вернуть свои берега, потому что сам он когда-то этот святой источник и замуровал, чтобы отвадить верующих. Хотел как лучше. Боролся с Богом. Душа вспомнила свои грехи и через покаяние — долбить бетонную плиту вручную, зубилом — вернуться к источнику веры.

«— Вот и вы не меняйте своих берегов, — оглядел всех Федор Максимович. — Не предавайте свой род, страну, историю» (с. 100).

В этом же контексте и храм помнил свои «берега», цеплялся за них, за свои неслучайные контуры: «Церковь, построенная в виде креста, в колхозные времена хранила зерно, и это, возможно, сохранило ее от разрушения. Теперь зарастает бурьяном по окна» (с. 260).

У русских много великих, полноводных рек; русские, я бы сказал, понимают толк в реках. Эпично мыслить в категориях река, берег, небо, поле, лес, горы, проецируя этот масштаб мира на широкую русскую душу, — это естественно для нас.

Кроме того, в названии романа зашифрована матрица отечественной словесности, отсылающая нас к единству противоречий как способу описать невероятно сложный мир: «Горе от ума», «Отцы и дети», «Война и мир», «Преступление и наказание». «Река и берега» — помнят свою культурную родословную.

Вот почему этот роман, как мы покажем далее, помещен под тот же универсальный русский эпиграф, что и «Капитанская дочка» А.С. Пушкина: «Береги платье снову, а честь смолоду».

Под шапку того же культурного кода.

По лезвию бритвы

На каких стилевых доминантах держится роман?

Прежде всего, на сюжете, на «сцеплении событий» (формула из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина). Н.Ф. Иванов показал себя большим мастером «сцепления событий» — мастером сюжетосложения, композиции сюжета, фабулы. Сюжет становится своего рода скрепой русской жизни — народной и частной, вплетенной в народную.

Ничто в прозе не настроено на функцию «развлекая, поучать» в такой степени, как сюжет. Но сюжет может загубить произведение, если он заточен сугубо на развлечение; а может придать тексту нужные смысловые измерения, если «сцепление событий» само по себе источает смысл. Вот у Иванова как раз искомые «два в одном»: следить за событиями означает следить за

смыслом. «Как же умело сплетаются меж собой черные кружева из человеческих судеб и историй!» — восклицает повествователь (с. 433).

Да, сплетаются, — если их умело сплетает автор. Между прочим, писателям непросто добиться искусства плетения сюжетных кружев.

Собственно, сюжет напоминает течение жизни — течение величественной реки-истории. Казалось бы, и плести особо ничего не надо. Но кружева сами собой не возникают.

Иногда роман делается крупными сюжетными мазками — эпоха укладывается в несколько страниц или абзацев — например, 1991 год, ГКЧП, Вискули (Беловежская Пуца), расстрел Белого дома (1993). Здесь писатель, так сказать, не сильно вдаётся в подробности (за исключением Вискулей, пожалуй; слово-то какое, как придуманное: слышишь его, и то ли чуешь скулеж, то ли самому скульпить хочется) — он довольствуется даже не бесхитростным анализом, а публицистической оценкой катастрофы, произошедшей со страной по вине никчемных людей, предателей без чести и совести (Глава 14). Таким приемом автор выписывает исторический фон. Вообще почти весь историко-политический фон вместе с его знаковыми фигурами дан в хлестком публицистическом ключе — в плакатном стиле. Писатель знает, что делает: ему нужна краткая, но при этом эмоциональная оценка катастрофы.

Ситуация с ГКЧП описывается как фантасмагория, как игра нездорового воображения — настолько все было абсурдно, с точки зрения советского офицера.

«Вискули» (юридически зафиксированный момент развала мощной державы) изображены как «ужасная комедия», если воспользоваться оценкой Петра Андреевича Гринева из «Капитанской дочки»: так прапорщик увидел русский бунт, «бесмысленный и беспощадный». 8 декабря 1991 года в 14 часов 17 минут великой страны СССР не стало. О стране как о покойнике...

Три поколения патриотов, положивших все силы во имя процветания Родины, СССР, вышли из избы, где они справили поминки по великой стране. «Вышел морской диверсант, три месяца вырывавшийся из колумбийской сельвы на родину, которая теперь осталась только на картах. (...) Артиллерийский корректировщик огня, оставивший здоровье на афганских склонах. И старый партизанский разведчик, пускавший под откос фашистские поезда, идущие на Москву. Вроде, бились насмерть за правое дело, но когда пропустили врага в столицу?» (с. 160).

«Потом статисты ужаснутся — за девяностые годы в стране трагически погибло и пропало без вести более 800 000 человек, что оказалось больше цифры сталинских репрессий» (с. 165).

А иногда несколько страниц посвящены неуловимым мгновениям. Писатель словно замедляет ход времени. Это происходит тогда, когда писатель заглядывает в душу героям. И происходит это, как правило, в деревне Журиничи, расположившейся, по воле автора, на краю брянского леса, раскинувшегося на Среднерусской возвышенности.

Такое «управление временем», личным и историческим, позволяет сосредоточиться на главном — на том, что писателю кажется определяющим в жизни человека, а значит, и страны. Для одних главное — честь, для других — выгода. Победить, согласно ходу жизни и истории, должны те, кто с полным на то основанием может сказать: наше дело правое. Таково кредо повествователя. Но вот что такое «правое дело», и у кого есть основания в стране с тысячелетней историей сказать по-народному просто «реки помнят свои берега» (что означало:

будем и дальше жить по закону, который помогает нам выживать и побеждать) — именно об этом роман.

Роман о том, как на свет стала заново, пока еще робко, ощупью, рождаться, прорасти древняя великая Россия, стесняясь порой своего возраста — древнего и юного одновременно. Рождаться не сразу, катастрофа не прошла бесследно. Держава стала постепенно вспоминать свои изрядно потрепанные берега.

В сюжетосложении романа, конечно, присутствует драматургия; другое дело, что писатель взял эту драматургию у самой истории. Все ходы придумала жизнь, но записал их писатель, летописец времени, и по-своему интерпретировал.

Все смешалось в стране. Вчерашний высочайший профессионал ГРУ, капитан, «аравийский тарантул», морской диверсант, представленный к званию Героя Советского Союза (но так его и не получивший: он остался безвестным героем), по воле судьбы и начальников вынужден служить телохранителем Президента, выполняя простейшие функции: сначала быть «под сосной» (стоять в охране вдоль дороги), потом дорасти до «мешка» (сидеть в машине сопровождения Президента — на всякий случай). И при этом — бывших разведчиков не бывает — исполнять совсем не простые функции «засланного казачка», — так сказать, своего к своим.

Или — к чужим? Где свои, где враги? Тут как посмотреть.

Дальше — хуже. Спецназовцу предложили работать старшим смены в охране банка. Охранять тех, кто развалил страну. «Ты, аравийский тарантул, будешь стоять тумбочкой перед щеглами? — усмехнулся «Кап-раз», то есть капитан первого ранга, начальник Егора.

Буерашин выбрал работу опера. Не только потому, что надо было как-то жить и зарабатывать на хлеб. Советский офицер никогда не терял из личного поля зрения Родину и свой долг перед ней. Поэтому он близко к сердцу принял слова своего друга-сослуживца: «Требуется пройти по лезвию бритвы, чтобы окрепнуть. Чтобы, даже проигрывая начало партии, поставить мат. У страны есть прошлое, но нет прошедшего времени» (с. 174).

Хороший человек, однако, не профессия, а на хлеб надо было зарабатывать. Так Егор, к тому времени майор, оказался в Журиничах. Без погон. На разоренной Родине. Надо было что-то делать...

Сюжетная стратегия писателя позволяет приоткрыть замысел. Иванова интересуют не столько причины и, как следствие, жуткие картины развала великой страны, сколько русский народный (именно народный: про интеллигенцию, властителей дум и идеологий, в романе сказано немного) ресурс: как смогли выстоять, нащупать берега, пройти по лезвию бритвы. Поэтому ключевые события разворачиваются в деревне. Столица разваливала страну, а деревня (глубинная, нутряная Россия) сумела найти силы, чтобы приступить к возрождению духа страны. Разумеется, в сюжетных перипетиях романа все не так схематично, как изложено мною, но по сути именно так. Страна гнила с головы, а выздоравливала с тела.

Деревня, приткнувшаяся на Среднерусской возвышенности, стала основным, центральным местом действия в романе — столицей духа и души. Соответственно, основными действующими лицами стали представители рода Буерашиных: отец (Федор Максимович), сын (Егор Федорович), внуки (они же племянники, Васька и Аня). И, конечно, учительница Вера (Вера Сергеевна со своими младшими братьями-сестрами, Оксаной и Женькой).

Егор и Вера в конце романа ждут своего ребенка. Русскому роду нет перевода, читаем мы логику «сцепления событий».

Такова сюжетная ткань романа.

Кукушкины слезки

Следующей яркой особенностью стиля является народно-поэтический язык: лексико-морфологический уровень, интонации, метафоры, склонность к притчевым обобщениям. О сюжете ведь можно рассказать по-разному. Вот как это делает Н.Ф. Иванов.

Печальный эпизод в начале книги. Вера только что отбилась с Божьей помощью от насильника, понимающего и принимающего только язык силы Бориса Сергованцева, отец которого (вот они, кружева!) партизанил вместе с отцом Егора. Все смешалось на белом свете.

Кстати, насильники будут преследовать Веру буквально на каждом шагу, как добычу, как жертву. К этому смысловому мотиву мы еще вернемся.

«Сопереживая (sic! — А.А.), у ее ног безмолвно склонила свадебный венец на желтой головке еще различимая при луне низкорослая ромашка. На женские слезы из ржи высунулась ватага васильков. Под ногами сбился в щепоточки щавель, сам навек обделенный сладким. Здесь же тонкой змейкой распласталась по земле повилика. Репейник деликатно отодвинулся на почтительное расстояние, почти в темень, то ли давая возможность женщине побыть наедине с горем, то ли оберегая от печального зрелища выводки своих липучих младенцев фиолетовыми головками.

— Ничего не хочу, никого не хочу, — продолжала сквозь слезы твердить Вера.

Застыли, боясь добавить неудобств, звезды. Очистились звуки от звонкоголосых, но влюбленных лишь в самих себя, сверчков. Ветер, в иных ситуациях сам с охоткой вышибавший из людских глаз слезы, переваливался неслышными волнами. Женщина плачет!» (с. 51).

Автор неожиданным и удивительным образом расширяет палитру своих умений. Перед нами, по сути, лирическая проза: изысканная звукопись (отрывок от начала до конца пронизан аллитерациями), ритмика, интонация. Публицистические вкрапления мы уже видели. А это — поэтическое.

Смысловой подтекст процитированного отрывка подводит нас к мысли: сама природа деликатно сопереживает, становится союзником Веры — дает ей силу верить. Весь Божий мир на ее стороне. И это не просто переживание бытовой девичьей обидки из-за выходки самоуверенного дурака; это где-то уже лиро-эпический плач, отсылающий к своему архетипу, — плачу Ярославны, конечно. Роман вплетает в себя нотку «Слова о полку Игореве» — нотку эпического измерения русской жизни. Россия не сегодня появилась, и вовсе не на развалах Советского Союза. Приведенный плач не просто пронзительная нота; это камертон в романе — ноты такой чистоты и силы больше не будет. Прислушаемся к плачу внимательнее. Он, словно угасающий гул колокола, по законам полифонии будет подспудно звучать на протяжении всего романа. Река, берега, луга, звезды, ветер...

Ярославна, как известно, также обращается ко всем родным для русских стихиям, ища у них сопереживания, помощи и поддержки: «Что ты, Ветер, злобно повеваешь, Что клубишь туманы у реки?»

«Днепр мой славный!»
«Солнце трижды светлое!»

*Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой
Наклонясь, в Каяле омочу. (...)*

*Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру.*

(пер. Н. А. Заболоцкого)

Вера ведь тоже, «как кукушка, полная печали», «кличет» о помощи.

Кроме того, автор с намерением подчеркивает: не просто конкретная девушка Вера плачет — «Женщина плачет!» Женское начало нашего мира страдает, обливается слезами. Россия — женского рода (после Ярославны ассоциативный ряд продолжает работать в заданном контексте). Россия плачет, угнетенная «борисами» с их хищным девизом «не в правде Бог, а в силе». Россия ждет своего спасителя — князя Игоря. Или капитана Егора.

С самого начала автор в качестве одного из главных рисует образ плачущей, незаслуженно оскорбленной России, — ищущей свои берега, отбившейся, тем не менее, от Бориса,

У Веры, как мы увидим, была именно такая тяжкая женская доля (до поры до времени): унижения, насилия, оскорбления. Образ женщины-России (Некрасов, Бунин), Руси-жены (Блок) близок русской литературе.

После такого пассажа (плач женщины) мы начинаем иными глазами смотреть на сцепленные события.

Закрепляет образ вещей кукушки старинный обряд (он же девичий праздник) «Кукушкины слезки». «Это обряд такой», — поясняет бойкая Аня. «Кому двенадцать лет исполняется или рядом с этим, как мне, плетем кукол из кукушкиных слезок, плачем над ними и хороним. С детством прощаемся» (с. 262). Прощаются под песню (с. 311):

*Кукушечка, рябушечка,
Пойдем в лес —
Сплетем венец.
Покукуемся, помилуемся,
Покумуемся, поцелуемся.*

И вот — «Вера Сергеевна несла пучок кукушкиных слезок — тоненьких длинных стебельков с дрожащими наверху бусинками-слезками» (310).

Много легенд связано на Руси с кукушкой, но для нас в данном случае главное: образ кукушки — народный. И уж если кукушка плачет, то от настоящего горя, не выдуманного. Гово-

рим кукушка — подразумеваем «возвращение к берегам». «И «Кукушкины слезки» не только и не столько девичье детство провожали — страна прощалась со временем, когда происходящего ныне и в помине не могло быть» (с. 321).

Человек, по Иванову, живет в дружественном или не очень дружественном ему мире природы. Вот почему с самого начала (буквально: с первой строки) писатель активно использует олицетворения: природа вводится как действующее лицо.

«Холод никуда не спешил.

Жертва, оставленная ему на прокорм, прикована к стене. Стена — к пещере. Пещера — в горе. Гора — среди кишашей гадами колумбийской сельвы. Кощею Бессмертному обзавидоваться, но не найти более надежного места, чтобы спрятать свою смерть.

И времени — до утра. Много времени — сто звезд упадут с небес, промелькнув отражением в священном озере Гуатавита, в котором смывал с себя позолоту вождь Эльдорадо.

В жертву принесен человек» (с. 6).

Холод, звезды, ветер, пещера, гора, река... Только кукушки не хватает.

Место действия — Земля, главное действующее лицо — русский дух.

В романе много ситуаций, которые, будучи осознаны как метафоры, вскрывают свое второе притчевое дно. Про образ реки Неруссы, образ замурованного бетоном источника и «кукушкины слезки» мы уже говорили.

А вот еще одна ситуация-образ. Сваты Федор Буерашин и Петр Климчук, бывший партизан и бывший полицей, вместе хоронят собаку Тузика, которая пыталась спасти людей от матерого волка. Жизнь развела, а Тузик едва не объединил (с. 120).

А еще отливание колокола, сгоревший родительский дом Егора, беременная от Егора Вера... Автор-романист, как ему и положено, очень часто изъясняется метафорами.

В романе мы находим россыпи пословиц, поговорок, а то и хлестких авторских суждений в народном духе. Прием, вроде бы, простой. Но когда он к месту, то, опять же, вскрывается второе дно: в сиюминутном обнаруживается то, что давно подмечено народом. Коротко, ясно, образно — и доходчиво. Так сказать, с народом — по народному. Свежо и незатерто, как из освобожденной от бетонной затычки криницы, льется речь повествователя.

Вот примеры навскидку. «И на голове как черт копейку искал»; «Скатертью из еловых шишек дорога»; «Кто старое помянет — тому глаз и кошелек вон»; «Старый с малым — два сапога пара, один без другого в этой жизни — босый»; «У старого перед малым обязанностей — как у солдата перед Родиной» (именно так, с большой буквы); «Ну что ты надел сто одежек, лето пугаешь»; «Он как ломоть отрезанный — или первого съедят, или зачерствеет»; «Так умирают не по старости, а по спелости»; «Сама найду, каким коlobком подкатиться». И так далее.

И это не отдельные вкрапления, а свойство стиля, поэтому выписать даже самые яркие перлы попросту невозможно: это вещество текста. Так строятся и живут фразы, суждения, мысли, чувства.

Отдельно следует остановиться на народной оценке «Мишки» Горбачева.

« — А Горбачев что?

Усмешки командира в усыхватило, чтобы Егор сам же и ответил себе: с Президентом страны каши не сварить. Если не пересолит, то сожжет.

— Против Горбачева и играют. А он сопли жуёт» (с. 126-127).

Даже местный деревенский пропойца, Витька Пятак, понимает: «Горбачева сгубил орден. (...) А человеку по земле ходить надо, а не по сцене» (с. 105).

«Рыжая клякса» чернобыльского заражения в брянском лесу — «прям родимое пятно на лбу у Горбачева». Такой Президент был рожден для того, чтобы сгубить страну.

Про политиков, «недосягаемых божков» (прототип — Кравчук в Вискулях), вскользь брошено: «Отведи от них телекамеры, пусти по улице без охраны — ни одна собака не обратит внимания и не гавкнет» (с. 136).

Такова словесная ткань романа.

Береги имя и честь смолоду

Невозможно написать роман на русском языке, не затронув при этом те или иные архетипы. Роман на русском языке всегда вызов и почти всегда дерзость. Назвался груздем (писателем) — полезай в кузов, уживайся с классиками, ищи себе там место.

Дух знаковой и ключевой для русской литературы пушкинской повести «Капитанская дочка» весьма ощутим в романе. Я не хочу сказать, что Иванов специально подгонял свой роман под пушкинский формат; я хочу сказать, что Иванов — русский писатель.

Вера Родионова, учительница, — это типаж, восходящий к Марье Ивановне Мироновой. Честная, чистая, принципиальная, умеющая беззаветно любить, но попавшая в западню.

Борис — это, безусловно, Швабрин. В отношении Веры он ведет себя точно так же, как Швабрин в отношении Маши Мироновой. По тем же лекалам: угрожая, подкупая, запугивая, ломая волю. Швабрин, который жил и до поры до времени успешно выживал без Бога в душе, буквально утилизовал, цинично взял на вооружение принцип «человек есть средство». Он последовательно, всегда и везде, относился к человеку как к средству для достижения своих низких, корыстных целей. Швабрин, превратившийся в мелкого беса с длинной всклокоченной бородой («Он был одет казаком и отрастил себе бороду»: дворянин, опустившийся до мятежного казака), — это неотвратимый результат такого отношения, предупреждает Пушкин.

Егора можно считать своеобразной реинкарнацией Гринева (река — в берега). «И он (Буерашин — А.А.) сказал себе: никогда, нигде и перед кем больше не опущу голову. Я — советский офицер и сын партизана. И плевать на иное» (с. 58). Гринева считал себя офицером и сыном дворянина. «Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах...»

Это культурный код: береги честь смолоду. Красная ниточка от Петра к Егору. Делай, что должно, и будь что будет. Культурный код превратился в девиз нелегальной разведки и стал личным кредо Егора Буерашина: «Без права на славу — во славу Отечества».

Вот она, та самая героика: долг превыше всего. Честь имею. Это ДНК России. По сути, присягу, которую принимал и пронес через жизнь Буерашин, мог принять и прапорщик Гринева: «Я всегда готов по приказу... (поставить нужное, исходя из исторических обстоятельств —

А.А.) выступить на защиту моей Родины... (как бы они ни называлась — А.А.) и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом» (с. 170).

Исходя из сказанного, мы понимаем, что перед нами не любовный треугольник, в том смысле, что «справа кудри токаря, слева — кузнеца», и оба они как на подбор. Это ситуация, где Вера-Надежда-Любовь выбирает союз с Героем-Защитником, отвергая притязания Беса-Хапуги без чести и совести. Это, опять же, про наш культурный код. Здесь просматривается и сказочный архетип: добро побеждает зло. Это нечто из русской народной сказки, в которой запечатлен дух народа. Долго, ох, долго шел Егор Буерашин к своей Вере ненаглядной, ни в сказке сказать, ни пером описать. Много, ох, много железных башмаков износил, в кандалы его заковывали и свои, и чужие. Но ведь дошел же! Ведь одолел нечисть всякую, поразил копьём змея (какого надо змея, в каждую эпоху свои змеи). И стали они жить-поживать, да добра наживать.

Примерно так.

Обозначил писатель и предельную глубину нравственных отношений (а это уже высший пилотаж мировой литературы). Егор Буерашин, как Петр Гринев, оказался в ловушке. Нравственный смысл ловушки: будешь «отстаивать то, что считаешь святыней своей совести» (высшей честью), прослывешь предателем; поступишь по велению чести офицера — выступишь против совести. В ситуации с Егором это означало: попытаешься спасти девушку Иру (к которой, как казалось Егору, он, одинокий, был сильно неравнодушен) — должен будешь в сложившихся «затруднительных» обстоятельствах поступить не как офицер, а как влюбленный, как частное лицо — как предатель, поставивший чувство к плохо знакомой девушке выше чувства долга; поступишь как честный офицер — совесть замучает.

Егор, как и Гринев, делает непростой выбор: в стремлении сохранить честь офицера и человека, он пытается договориться и с совестью, и с долгом. Пройти по лезвию бритвы. В результате Иру, жену нечистого на руку шведского бизнесмена Оберга и ее будущего ребенка он спас, а сам оказался в роли предателя, само собой. Пришлось расплачиваться по полной программе.

Друг Юрий с симпатичной фамилией Черемухин, тоже офицер, оценил поступок так: «Ты все сделал по-мужски. Неправильно, но честно, — протянул Юрка руку. Здороваясь, прощаясь и прощая. — У нас этих Обергов как собак нерезанных, а совесть одна» (с. 252).

Месть Егора насильникам Веры носила точно такой же характер: незаконно, но по совести. «Нет защитной статьи в Уголовном кодексе на порядочность. Поэтому все остальное он берет на себя» (с. 288). Он просто не может иначе, против совести. И, конечно, Егор довел начатое до конца. О чем насильникам пришлось сильно пожалеть.

Естественно, побывал он в тюрьме (как и Гринев), подвергся пыткам, бессмысленным и беспощадным. Сума, тюрьма — все как положено правдолюбцам.

Трудно сказать, что могло случиться с таким, как Егор. О судьбе Егора с Верой можно сказать то же, что и о России (и о Гриневе, кстати): Бог спас. Самим, без помощи свыше, было бы точно не выкарабкаться. Деревенское существование того времени, беспощадное в своей бес-

просветности, беззащитное в своей брошенности, ломало волю народа. Но не сломало. Такие, как Егор, сдюжили. На плечах таких, как Егор, и стоит Россия.

Вернемся к поэтическим средствам. Поэтика имен работает на ситуацию, на наш культурный код, последовательно и с выдумкой. Там, где Вера, там, конечно, Надежда и Любовь (мыс Доброй Надежды из «Капитанской дочки» всегда с нами). Родионова — это про родину, Россию. Вот поди и разберись, кого и что любил Егор: Родину, Россию, Веру или истину. Все вместе, наверное.

Имя Борис, само по себе ни в чем не виноватое, после таких исторических персонажей, как Борис Ельцин, Борис Немцов, А. Борисович Чубайс, стало уже сегодня в России именем нарицательным. Историческая память, связанная с мифами о Борисе Годунове, не добавляет имени положительной коннотации. Говорим Борис — подразумеваем корыстолюбие, ложь, безответственность, эгоцентризм, отношение к России как к предназначенной на убой жертве. Отсюда забавная месть «безмолвствующего» народа как форма сопротивления: «Глубинной России оставалась единственная народная забава — называть домашнюю скотину именами тех, кто более всех усердствовал в бесшабашном походе. (...) Рыжие проходимцы-коты превратились в Чубайсов, слепые, сосущие хозяйские пальца щенята — в Гайдариков, слюнявые бычки — в Мишек, хряки — в Борек» (с. 165).

Что касается Егора Буерашина, то тут иная история. Егор, Юрий и Георгий — это одно и то же имя, только в разном произношении. Ассоциативный ряд здесь работает в одну сторону: Святой Георгий Победоносец, пронзающий копьем змея, исчадие зла. Символическое имя.

Буерак — это сухой овраг, промоина, водомоина, высохшее русло, которое может заполняться разгулявшейся весенней водой. В сочетании с названием романа («Реки помнят свои берега») фамилия героя становится многозначительной: берега-буераки помнят свои реки, тянутся к ним. Как Егор к своей земле. К России.

Кстати, Георгиос по-гречески означает «землевладелец».

Егор Родину защищает, Борис — продает как сырье, как чернобыльский лес на материал для изготовления мебели. Егор — добро, Борис — зло.

Вообще древним писательским приемом — зашифровывать важную для восприятия персонажа информацию в фамилию-имя-отчество — Н.Ф. Иванов пользуется виртуозно. Все второстепенные персонажи работают своей фамилией на образ (или образом — на фамилию, как посмотреть).

Майор по прозвищу Штиблет, служака с кругозором шофера. Ира Точилкина, ставшая госпожой Оберг. Точилкина-Оберг. Звучит, конечно. Даже Бурбулис — и тот кажется персонажем с придуманной фамилией. Бурболки — это же пузырьки, пустышки, мгновенные формы жизни. Как та декларация о развале СССР, к которой они с Шахраем приложили руку. Шахрай, как выяснилось, по-украински означает «мошенник» (с. 146). Нарочно не придумаешь. Кружева! Иногда между литературой и жизнью стираются грани. Если, конечно, автор этого захочет. С какой-то своей тайной целью.

Про участкового, лейтенанта Околелова, в романе припасена ремарочка: «Выпало ему служить с такой фамилией». То есть неслучайная фамилия, как мы понимаем. Начальник отделения, где служит участковый, подполковник Зябликов. Тоже, видимо, «выпало». И Витьке Пятаку не зря такая кличка досталась. И много еще кому.

Сама деревня Журиничи — это, конечно, не реальное, а символическое место. Журиться — значит горевать, сокрушаться, печалиться. «Лес окаймлял Журиничи глубокой подковой. С тыльной стороны его подпирали украинские поля, а поскольку дорог здесь не провели и в лучшие времена, тупик постепенно превратился в глухомань. Полной бесперспективности ему добавила чернобыльская клякса, непонятно каким ветром занесенная на один из краев подковы» (с. 185).

Запечалишься тут. Или — начнешь выбираться из тупика.

Хвост не должен вилять собакой

Почему из всей современной прозы, пестрой и разной, мы остановили свой выбор на романе Н.Ф. Иванова?

У нас на то есть веские причины. И это причины не личного характера.

Многие сегодня говорят о кризисе в литературе. Тиражи и клановые возвеличивания лауреатов всевозможных «больших премий маленьких писателей» ни в чем не убеждают экспертов с широким литературным кругозором. Премия как инструмент рынка делает писателя, а не писатель — премию: над этим уже давно смеются. Стилевые поиски как магистральное направление развития литературы уже не то чтобы изжило себя, но от него не ждут культурных прорывов и откровений. Бесспорно, есть живая литература — будут стилевые поиски. Это аксиома. Но аксиома — не истина.

Я хочу сказать, что русская литература (хорошо, сузим ее до прозы), начинает выходить из кризиса, из тупика, имя которому «магия стиля», «очарованность поэтическим кодом серебряного века», когда способы выражения содержания ценились больше самого содержания. Время, когда хвост виляет собакой, когда люди путают берега, когда пустота объявляется глубиной, — времена эти мутные заканчиваются на наших глазах. Появляется запрос на содержательность. Что такое хорошо и что такое плохо: скоро это опять будет в тренде. Именно запрос на систему нравственных координат будет, надеюсь, определять развитие литературы. А это означает: русская проза помнит свои берега и стремится возвратиться к ним.

Какие у нас берега (мы сейчас про прозу)?

Известно, какие, надежные: Пушкин («Капитанская дочка», а роман в стихах «Евгений Онегин» — вообще книга книг), Лермонтов («Герой нашего времени»), Гоголь («Мертвые души»), Тургенев («Отцы и дети»), Толстой («Война и мир»), Достоевский («Преступление и наказание»), Чехов (с десятков знаковых рассказов). Я сейчас про маяки, светящие всему человечеству, так сказать, я не закрываю своим перечнем тему «берегов». Берега у нас разные, высокие и низкие, при этом очень-очень протяженные.

Это не значит, что Набоков и Саша Соколов (а также неуклюже дрейфующие в этот калашный ряд Михаил Шишкин, Водолазкин и иже с ними) — плохие писатели; это значит, что они не берега. Берега одним лишь стилем не укрепишь — а вот стиль укрепить концептуаль-

ное вещество берега может. Мы и не думаем отказываться от наследия «серебряного» века; мы просто не забываем, что был еще и век «золотой». «Самовитый» стиль река жизни смывает и уносит, как позолоту с тела наивного вождя Эльдорадо. Разве что блестящий осадочек останется. В лучшем случае.

Николай Иванов интересен, прежде всего, как выразитель мощной культурной тенденции: актуализировать смыслы как суть литературы. Это пока запрос, не веление времени. Но звоночек явный: имеющий уши да услышит. Роман Иванова если не набатный, то колокольный. Кстати, образ утраченного колокола проходит через весь роман. С новым долго возится Егор, пытается его отлить самолично. Несомненно, колокол будет висеть на колокольне в Журиничах.

Вообще в романе есть все, потому что хороший роман всегда обо всем. И если «ружье» (тема, мотив, персонаж, деталь) однажды оказалось в поле зрения читателя, то оно обязательно «выстрелит» — обязательно ляжет нужным звеном в общий концептуальный узор романа. Таков «механизм» плетения кружев. Если колокол забросили и украли, его непременно вернут на место, не мытьем, так катаньем; если целебный источник залили бетоном по глупости, этому неумираемому ручейку обязательно дадут вспомнить свое русло; если повадился «куцелопый» матерый волчара в деревню еще при жизни отца Егора, который «умер от совести», — надо его истребить, даже после смерти отца (что Егор и сделал); если возник Брест в начале повествования, то появится и в конце книги; если же на несчастной машинке «Оптима» печатали документ о развале СССР, то она еще пригодится, чтобы на ней печатали новые рассказы о новой жизни; если Егор, специально обученный человек, знает все про секреты победы, то все его навыки пригодятся в самых разных ситуациях романа. Если действие романа начинается в 1991 году, с крупнейшей катастрофы XX века, то заканчивается роман на том витке истории, когда Россия начинала нащупывать «свою точку опоры», как сказано в романе.

«Утверждая это, (Егор — А.А.) похлопал по закопченному боку печи, как давеча по колоколу: ну что, остаемся и начинаем все сначала?»

Сначала — значит, от печки. Все сгорело — а печь осталась. Печь — это ведь берега, верно?

Причинно-следственные связи складываются в неотвратимый силуэт будущего: наше дело правое, победа будет за нами. Кружева завораживают.

Такова событийная и мотивная ткань романа — та самая полифоничность, примета жанра и романного мышления. Да и самого нашего времени.

А теперь совместим сюжетную, словесно-поэтическую и мотивно-смысловую «ткани» (кружева!) романа — и получим то самое ажурное «вещество прозы», которого сегодня так не хватает нашей литературе.

Такова «мораль» нашей рецензии, если угодно.

Я не хочу унижать ни себя, ни замечательного писателя Н.Ф. Иванова — я не утверждаю и не «протаскиваю» мысль, что роман «Реки помнят свои берега» — это великая проза; я хочу сказать, что великой прозы без таких книг не возникнет. Это приток будущей большой, великой реки — в этом я уверен. Иванов показал: надо бережно возделывать культурную почву, которую не стыдно завещать будущим поколениям. Надо холить и лелеять гумус — тонкий

плодородный слой, основное органическое вещество почвы, содержащее питательные вещества, необходимые высшим растениям.

Хотите иметь «высшие растения», сиречь великих гениев?

Начните с гумуса.

Чего, на мой взгляд, не хватает прозе Иванова?

Пожалуй, это неверная постановка вопроса. Прозе Иванова всего хватает — это проза с индивидуальной творческой манерой, самодостаточная проза. Ее нельзя улучшить в одном отношении, не ухудшив при этом в другом.

Мой вопрос должен звучать более корректно: чего, на мой взгляд, не хватает прозе Иванова, что могло бы сделать его прозу великой?

Если бы «двойная история», рассказанная Ивановым, история человека и страны, была бы одновременно исследованием природы человека, героя своего времени, героя нашего, русского времени, — это была бы великая проза. Великая проза — это именно «тройная» история: история мира и страны, частная история и история превращения человека в личность.

Но это коварный рецепт: усложнишь героя — получишь трагического героя, более сложного, но менее цельного. Моральные типажи Николай Федорович щелкает как орешки (часто в нескольких абзацах; персонажей второго-третьего плана в романе предостаточно); характеры (сочетание типов) главных героев у него — яркие и убедительные; а вот появление личности, как медведя в теремке, может все испортить.

Гносеологический роман, завязанный на личность, — это тот жанр, к которому Иванов подводит. Но его роман о героях. И этим он ценен.

Роман-река Н.Ф. Иванова указал нам на наши культурные, цивилизационные берега.

Пусть кто может, сделает лучше. Путь в великую литературу открыт для каждого. Мы живем в свободное время, в свободной стране. Берега при этом не путаем.

Признаюсь, я с неким дополнительным интересом читал роман потому, что он касается меня лично. На Брянщине родилась моя мама. Мои родители осенью 1986 года собирались уже переезжать в Красногорский район Брянской области. Не успели: 26 апреля случилась Чернобыльская катастрофа, и красивейшие места оказались отравленными радиацией. Не судьба.

Я сейчас про мой личный интерес к роману, но не про мотив писать статью.

Есть художественное измерение произведения, а есть культурное. В данном случае, мне кажется, культурное выше художественного.

Иванов держит планку, задает уровень и обозначает тенденцию. Он, писатель, является в то же время председателем Союза писателей России. Взяв бремя лидерства, он бьется за то, что считает правильным, и относится к этому как к делу своей жизни.

Иванов живет, как пишет, а пишет, как служит. Его роман — это служение литературе и высоким идеалам, которые составляют гранитные, неразмываемые берега всякой великой литературы. Следовательно, это служение — через литературу — России.

Иванов продолжает дело своего героя Егора Федоровича Буерашина.

Задайтесь вопросом: почему писатель «поделился» своим отчеством со знаковым героем? Уж с чем с чем, а с именами-то писатель умеет обращаться.

Ответ, мне думается, прост: это очередная метафора от Иванова. Метафора, скрепляющая литературу и жизнь. Говорим Бу..., то есть Иванов, подразумеваем...

Вот такой ответ. Писатель, по завету «золотого века», не разделяет жизнь и литературу.

Предлагаю простой тест на «неразделение». Сегодня у всех текстов, хотим мы того или не хотим, существует еще одно измерение. Я имею в виду отношение к СВО. Работает ли роман «Реки помнят свои берега» на нашу Победу?

Да, и однозначно. Почему?

СВО — это же не про Украину, а про то, что русский мир помнит свои берега вопреки всему. Действие романа, написанного до начала СВО, пророчески разворачивается на Брянщине, рядом с Украиной. Куда, судя по всему, утащили наш колокол из Журиничей. Надо возвращать.

Значит, это правильный роман. Жизненный. Нужный всем нам.

Николаю Федоровичу Иванову верят те, кто верит в миссию и Победу русского мира.

Я ему верю, и это мой личный мотив для написания статьи.